

«КАКАЯ ЕЩЁ У НАС РОЛЬ?»

Несколько естественных способов общения с классом

М. ИВАНОВ

Михаил Иванов — учёный, который преподавал в школе. Сначала в обычной, потом в физико-математической, затем в школе при Физико-техническом институте РАН, будучи одним из её основателей. И сейчас, став директором физтеховской школы, он признаётся, что самое важное для него — общение с учениками. Разгребая выпадающие на долю администраторов дела, Михаил Георгиевич мечтает о классном руководстве.

Сначала история.

В 1992 году я оказался в командировке в Лондоне. Жил в русской семье (они эмигрировали в конце Второй мировой войны). Любезные хозяева выспрашивали меня: что хочу увидеть, куда съездить, с кем встретиться. Я с пожеланиями не церемонился. Так и получился мой разговор с митрополитом Антонием Сурожским — главой русской православной церкви в Англии, в прошлом известным врачом, героем французского Сопротивления, а в момент нашей встречи — уже очень старым человеком и, пожалуй, самым авторитетным православным священником в мире.

Мы встретились в воскресенье, в соборе, при котором он жил, за час до воскресной проповеди, и говорили минут сорок. На самом деле я просто попросил его совета по поводу двух ситуаций, связанных с недавно организованной школой при физтехе.

Потом наступило время проповеди. Он повторил её дважды: по-английски и по-русски. Закончив, попросил прихожан помолчать в течение всего следующего часа (получилось что-то вроде медитации). А потом все пошли в боковую комнату, где мы беседовали до начала проповеди, — пить чай с какими-то пирогами и сушками, знакомиться, общаться, обмениваться новостями...

В тот же день вечером я по привычке записывал свои впечатления и вдруг поразился схожести многих ситуаций, проблем, методов работы — у священника и у учителя.

Казалось, я мог прямо сейчас разделить лист бумаги на две колонки, левую озаглавить «священник», а правую — «учитель», и заполнить их аналогиями действий, событий, ролей, установлений...

И вот при всей банальности такого сопоставления (обычно сюда добавляют ещё врача) для меня вдруг прояснилась моя собственная роль по отношению к моим ученикам. Было уже половина второго ночи. Аппарат моего сознания как будто навели на резкость.

Разумеется, с тысячею оговорок. Разумеется, я мог оценить лишь внешнюю сторону явлений (особенно учитывая мою собственную нерелигиозность). И всё же — это было существенное прояснение, шаг от интуитивного к более осознанному.

127

Сведения
об авторах
[143 - 144]

Проповеди по вторникам

Вернувшись в Россию, я рассказал обо всём своим коллегам (они восприняли эту историю достаточно равнодушно) и своим ученикам. Кто-то из них потом спросил меня: «А что, теперь по вторникам у нас будут проповеди?» И я включил в наш еженедельный классный час фактически проповедь. Иногда это была реальная проповедь отца Антония (в Англии мне подарили его магнитофонные записи). Иногда — мои собственные размышления (чаще по поводу конкретных школьных событий) или воспоминания из моего детства. Иногда — рассказ о ком-то или о чём-то, наводивший на размышления. Теперь я тратил обязательные полчаса (или чуть больше) на примеры предательства и веры, ропота и смирения, прощения и мстительности, самоотверженности и корысти, решительности и выбора из двух зол...

Не могу сказать, что эти беседы были восприняты всеми и сразу как вполне естественные, интересные и даже нужные. Но постепенно, не сразу, я и дети обрастали привычкой, а потом пришла естественность (а для кого-то и потребность? — впрочем, вряд ли).

Мы приходим в школу и идём к своим ученикам. Зачем? Нести информацию. Часто напрямую: выслушайте и запомните (запишите). Реже с подходом: попробуйте увидеть проблему, попытайтесь её решить, сравните свой результат с чужим, официальным.

Есть ли у нас ещё какая-то роль при общении с учениками? Ну, хотя бы потому, что мы старше. Мой выбор кажется мне достаточно естественным. Насколько он зависит от личности учителя? Зависит. Но думаю, что при всей внешней декларативности такой вариант достаточно практичен.

Вот такая история.

Внеклассное чтение

Один из самых популярных и естественных способов общения с учениками — чтение учителем вслух. Ситуации, располагающие к этому, разнообразны: в поездке (в поезде, в автобусе, на вокзале — в ожидании чего-то), за городом (в походе, в палатке — перед сном — сам Бог велел), на уроке — при неожиданном замещении коллеги, во время классного часа...

Мне запомнился случай, когда во время путешествия по Полярному Уралу, в ужасно мокрый и довольно холодный день, мы вышли на перевал, который совершенно не соответствовал карте и нашим представлениям о происходящем с нами на этой карте, к тому же стало ясно, что сейчас начнётся гроза. Тогда мы быстро составили наши рюкзаки среди камней, сели на них кружком — 12 человек — и набросили поверх себя большой общий тент. Почти одновременно с началом грозы мы начали читать вслух «Третью экспедицию» из «Марсианских хроник» Бредбери... Примерно через полтора часа всё было кончено: гроза, «Третья экспедиция», и — главное — неопределённость нашего положения: ветер унёс туман, и примерно в ста метрах от нас обнаружилось понижение в хребте, обладавшее всеми признаками нужного нам перевала.

Судя по моему опыту (а он касается в основном возраста от 13 до 19 лет), есть авторы «читабельные» — в принципе хорошо читаемые вслух, почти неза-

висимо от ситуации и состава аудитории, и — что интересно — их список практически не меняется со временем.

Могу назвать Евгения Шварца (особенно «Дракон»), того же Бредбери, Сэлинджера (классический пример — «Человек, который смеялся»), раннего Василия Аксёнова (к тому же есть записи его прекрасного авторского чтения — «Как жаль, что вас не было с нами»). Конечно же, Фазиль Искандер, ныне забытый Илья Зверев, Александр Володин. Разумеется, Довлатов, кое-что из Нагибина (например, «Чистые пруды»)...

Наличие динамичного сюжета, конечно, желательно, но не обязательно. Скажем, второй акт «Дракона» даст 50 очков форы любому куску из Агаты Кристи, Чейза или даже Стругацких.

Вообще, можно заметить, что чтение подходящих пьес (Шварц, Володин, Миллер) идёт ничуть не хуже чтения классической новеллы.

Частенько я выбирал автора, чтобы просто «засветить» его в кругу моих учеников — Шпаликов, Уайлдер («Теофил Норт»), Андрей Битов, Виктор Некрасов («По обе стороны океана»), Лакшин («Рукописи не горят»), Белинков, Теннесси Уильямс, Юрий Трифонов (рассказы), Камю, Эренбург («Люди, годы, жизнь»), любимый мною Юрий Казаков...

Бывали случаи знакомства с необычной формой («Колыбель для кошки» Воннегута, Дос Пассос, «Записки у изголовья» Сэй-Сенагон, Борхес). «Окрошка», конечно, но вряд ли здесь (не на уроке литературы!) нужна хоть какая-то система.

Иногда пересекались мои эстетические пристрастия с этическими — я читал Шаламова, «Матрёнин двор» — целиком! — в полной тишине в продолжение полутора часов), ставил записи чтения по ВВС отрывков из «Архипелага», что-то из Швейцера, Бертрана Рассела, воспоминания Андрея Сахарова.

Отдельная песня — выбор и чтение статей и заметок из газет (обычно из «Московских новостей» или из «Общей газеты») — то, что мне самому нравилось, казалось полезным для слуха и памяти ребят. Изредка встречались совсем политические комментарии, но всегда остроумные, обычно противоречащие точке зрения большинства.

Конечно, было и чтение стихов, но это, как говорится, на десерт, или как витамины: по чуть-чуть, но регулярно. Имена, естественно, определялись вкусом исполнителя (если это не была авторская запись): Арсений Тарковский, Юнна Мориц, Самойлов, Кушнер, Петровых, Баратынский, Тютчев, Левитанский, ранние Евтушенко и Вознесенский, Окуджава, Мандельштам, Басё...

Желая подчеркнуть сильное различие двух людей, часто говорят: похоже, что в детстве они читали разные книжки. Во сколько лет кончается детство? Может быть, реально — с окончанием школы?

